

[Меллентин Ф.В. фон, генерал немецкой армии](#)

Фрагмент книги

Танковые сражения 1939-1945, глава XIX Красная Армия

Мои замечания до сих пор касались главным образом действий русской пехоты, которая в ходе второй мировой войны полностью сохранила великие традиции Суворова и Скобелева. Несмотря на огромный прогресс военной техники, русский пехотинец все еще остается одним из наиболее важных военных факторов в мире. Эта сила русского солдата объясняется его чрезвычайной близостью к природе. Для него просто не существует естественных препятствий: в непроходимом лесу, болотах и топях, в бездорожной степи всюду он чувствует себя как дома. Он переправляется через широкие реки на самых элементарных подручных средствах, он может повсюду проложить дороги. В несколько дней русские строят многокилометровые гати через непроходимые болота. Кроме того, техническое оснащение русских войск отвечает их нуждам. Автомшины отличаются минимальным весом, а их габариты максимально уменьшены. Лошади в русской армии выносливы и не требуют большого ухода. Русским не нужно возить с собой тех огромных запасов, которые сковывают действия войск во всех западных армиях.

Русская пехота имеет хорошее вооружение, особенно много противотанковых средств:

иногда думаешь, что каждый пехотинец имеет противотанковое ружье или противотанковую пушку. Русские очень умело располагают эти средства; и, кажется, нет такого места, где бы их не было. Кроме того, русское противотанковое орудие с его настильной траекторией и большой точностью стрельбы удобно для любого вида боя.

Интересно, что русский солдат-пехотинец не отличается пытливостью, и поэтому его разведка обычно не дает хороших результатов. Обладая природными качествами разведчиков, он мало использует свои способности. Возможно, причина кроется в его отвращении к самостоятельным действиям и в неумении обобщить и доложить в полной форме результаты своих наблюдений.

Русская артиллерия, подобно пехоте, также используется массированно. Как правило, атакам русской пехоты предшествовала артиллерийская подготовка, но коротким и внезапным огнем русские не придавали большого значения. У них были пушки и снаряды, и они любили эти снаряды расходовать. При крупных наступлениях русские обычно имели по 200 стволов на каждый километр фронта. Иногда, в особых случаях, это число возрастало до 300, но никогда не было меньше 150. Артиллерийская подготовка обычно, длилась два часа, и русские артиллеристы за это время расходовали суточную или полуторасуточную норму боеприпасов. Примерно еще около суточной нормы накапливали для использования на первом этапе наступления, а остальной запас боеприпасов находился в тылу. Такой сосредоточенный огонь быстро разрушал немецкие позиции, не имевшие большой глубины. Как бы тщательно ни были укрыты пулеметы, минометы и особенно противотанковые орудия, они вскоре уничтожались противником. Вслед за этим плотные массы пехоты и танков врываются на разрушенные немецкие позиции. При наличии подвижных резервов сравнительно легко можно было восстановить положение, но у нас, как правило, таких резервов не было. Таким образом, основная тяжесть боя ложилась на плечи оставшихся в живых солдат на переднем крае.

Русская артиллерия уничтожала также штабы и командные пункты в глубине обороны. По интенсивности артиллерийского огня зачастую трудно было определить направление главного удара русских, так как обстрел велся с одинаковой силой по всему фронту. Однако были у русской артиллерии и недостатки. Например, негибкость планов огня бывала иногда просто поразительной. Взаимодействие артиллерии с пехотой и танками было организовано недостаточно хорошо. Орудия перемещались вперед слишком медленно и часто даже оставались на своих первоначальных огневых позициях, в результате чего пехота, продвинувшаяся далеко в глубь обороны, долго не имела артиллерийской поддержки.

Поэтому стремление немецкого командования упорно удерживать фланги при крупных вклинениях и прорывах русских было серьезной ошибкой, которая часто оказывалась роковой для обороняющихся. Обычно наши войска получали приказ удерживать эти фланги любой ценой, с тем, чтобы поспешно стянутые резервы смогли контратаковать прямо во фланг прорвавшихся русских и отрезать у основания клина. Понятно, что резервы, сосредоточившиеся на флагах прорыва противника, попадали под удар всей русской артиллерии и через некоторое время уже не могли вести никаких боевых

действий. Таким образом, недостаток маневренности русской артиллерии вследствие порочной немецкой тактики превращался в преимущество. Места фланговых ударов против русского клина следовало выбирать глубже в тылу и вне досягаемости русской артиллерии. Вместо того чтобы вести на флангах кровопролитные бои, нужно было отводить с них войска. Иногда это успешно осуществлялось, несмотря на приказы сверху, требовавшие прочно удерживать фланги; в таких случаях оказывалось возможным остановить наступавшие без артиллерийской поддержки пехотные и танковые части русских и создать новый оборонительный рубеж. Русские были вынуждены разрабатывать новый план огня и искать новые позиции для своей артиллерии, что позволяло обороняющимся выиграть время.

В ходе войны русские совершенствовали и развивали тактику артиллерии в наступлении. Их артиллерийская подготовка превратилась в подлинный шквал разрушительного огня. В частности, они применили прекращение огня на очень узких участках, иногда не больше сотни метров шириной, ведя огонь на всем остальном фронте с прежней интенсивностью. Благодаря этому создавалось впечатление, что артподготовка еще повсюду продолжается, тогда как в действительности пехота противника уже вела свою атаку, продвигаясь по этому узкому коридору.

Несмотря на известные недостатки, русская артиллерия является очень грозным родом войск и целиком заслуживает той высокой оценки, которую ей дал Сталин. Во время войны Красная Армия применила больше тяжелых орудий, чем армии любой другой воюющей страны.

Теперь я остановлюсь на русских танковых войсках, которые вступили в войну, располагая большим преимуществом, - у них был танк Т-34, намного превосходивший любой тип немецких танков. Не следует недооценивать также и тяжелых танков, действовавших на фронте в 1942-году. Затем русские модернизировали танк Т-34 и, наконец, в 1944 году построили массивный танк, который причинил много неприятностей нашим. Русские конструкторы танков хорошо знали свое дело. Они сосредоточили все внимание на главном: мощи танковой пушки, броневой защите и проходимости. Во время войны их система подвески была намного лучше, чем в немецких танках и в танках других западных держав.

В 1941 и в 1942 годах тактическое использование танков русскими не отличалось гибкостью, а подразделения танковых войск были разбросаны по всему огромному фронту. Летом 1942 года русское командование, учтя опыт проведенных боев, начало создавать целые танковые армии, имеющие в своем составе танковые и механизированные корпуса. Задача танковых корпусов, в которых было относительно немного мотопехоты и артиллерии, состояла в оказании помощи стрелковым дивизиям, осуществлявшим прорыв. Механизированные корпуса должны были развить прорыв в глубину и преследовать противника. Исходя из характера выполняемых задач, механизированные корпуса имели равное с танковыми корпусами количество танков, но машин тяжелых типов в них не было. Помимо этого по своей штатной организации они располагали большим количеством мотопехоты, артиллерии и инженерных войск. Успех бронетанковых войск русских связан с этой реорганизацией; к 1944 году они стали

самым грозным наступательным оружием второй мировой войны.

Сперва русским танковым армиям приходилось дорого расплачиваться за недостаток боевого опыта. Особенно слабое понимание методов ведения танковых боев и недостаточное умение проявляли младшие и средние командиры. Им не хватало смелости, тактического предвидения, способности принимать быстрые решения. Первые операции танковых армий окончились полным провалом. Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовалась неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, наталкивались на наши противотанковые орудия, а в случае прорыва наших позиций прекращали продвижение и останавливались, вместо того чтобы развивать успех. В эти дни отдельные немецкие противотанковые пушки и 88-мм орудия действовали наиболее эффективно: иногда одно орудие повреждало и выводило из строя свыше 30 танков за один час. Нам казалось, что русские создали инструмент, которым они никогда не научатся владеть, однако уже зимой 1942/43 года в их тактике появились первые признаки улучшения.

1943 год был для русских бронетанковых войск все еще периодом учебы. Тяжелые поражения, понесенные немецкой армией на Восточном фронте, объяснялись, не лучшим тактическим руководством русских, а серьезными стратегическими ошибками германского верховного командования и значительным превосходством противника в численности войск и технике. Лишь в 1944 году крупные русские танковые и механизированные соединения приобрели высокую подвижность и мощь и стали весьма грозным оружием в руках смелых и способных командиров. Даже младшие офицеры изменились и проявляли теперь большое умение, решительность и инициативу. Разгром нашей группы армий и стремительное наступление маршала Ротмистрова от Днепра к Висле ознаменовали новый этап в Красной Армии и явились для Запада грозным предостережением. Позднее, в крупном наступлении русских войск в январе 1945 года, нам также пришлось наблюдать быстрые и решительные действия русских танков.

Необыкновенное развитие русских бронетанковых войск заслуживает самого пристального внимания со стороны тех, кто изучает опыт войны. Никто не сомневается, что у России может быть свой Зейдлиц, Мюрат или Роммель, - в 1941 - 1945 годах русские, безусловно, имели таких великих полководцев. Однако дело не только в умелом руководстве отдельных одаренных личностей; люди, в массе своей апатичные и невежественные, без всякой подготовки, без всяких способностей, действовали умно и проявляли удивительное самообладание. Танкисты Красной Армии закалились в горниле войны, их мастерство неизмеримо выросло. Такое превращение должно было потребовать исключительно высокой организации и необычайно искусного планирования и руководства. Подобные изменения могут произойти и в других видах вооруженных сил, например в авиации или подводном флоте, дальнейший прогресс которых всячески стимулируется русским высшим командованием.